

Евгений Звягин: *Смена, - с. ПБ. - 1995, - 10 марта, - с. 7.* “Для меня важны кунштюки и штучки-дрючки”

ЕВГЕНИЙ ЗВЯГИН - петербургский прозаик, эссеист. В его книгу “Кладоискатель” включен этюд “Психосветовое воздействие эрмитажных дворов”, рассказывающий о работе автора в хозчасти Эрмитажа. Команда эрмитажных рабочих в 60-х годах состояла из поэтов и художников.

Мы остановились у подножья Иорданской лестницы, и Женя рассказал, что в свое время “Пятое колесо” снимало телепередачу о легендарных технических сотрудниках Эрмитажа как раз в туалете под этой лестницей. Собравшиеся, как встарь, курили, пили, пели и вели интересные беседы. Чтобы не приторяться, но традицию соблюсти, мы решили выпить в буфете Экскурсия обещала быть приятной.

“Очень для меня важны кунштюки: какие-то механические игрушки. Не столько прекрасная картина, сколько конкретные вещицы - начиная от мумии жреца Петесе и кончая часами Кулибина с павлином. Этот детский подход сохранился: меня интересуют штучки-дрючки, грубо говоря”.

Мы отправились в путь. Миновали египетские древности. Вошли в залы греко-римского искусства. Стали безудечно по ним бродить в поисках камеи Гонзага. Но камея была скрыта в недоступном для нас месте. Общеизвестно, что античность - юность человечества, и, проходя по двадцатиколонному залу с коллекцией древнегреческих ваз, Женя вспомнил о своей юности:

“Когда я работал в Эрмитаже, мы были ребята молодые,

сексуально озабоченные, и многие любили сюда приходить. Здесь масса эротических сюжетов, связанных с фаллическим культом. Все рассматривали, хохотали - была нормальная здоровая мужская атмосфера”.

Поднявшись по Теребеневской лестнице, Звягин без поддержки проследовал на экспозицию западноевропейского оружия XV-XVII веков.

“В Рыцарском зале вспоминается один случай. Однажды пришел я сюда к другу с полбанкой и ветчинно-рубленой тогдашней колбасой. Сели мы с ним за какой-то научный стол в запасниках арсенала, где была масса оружия. Я сидел, надев кирасу, резал “ветчинно-рубленую” парадным испанским кинжалом века пятнадцатого и чувствовал себя грандом. Очень важно ощущать древние искусства не как что-то абстрагированное, перед чем смиренно приходится преклонить колени, а чувствовать свою связь с этим”.

Кто сейчас спасает культуру? Люди, которые ощущают не формальную, не академическую, а живую, телесную связь с культурой, с ее реальными проявлениями”.

Лоджии Рафаэля - одно из приятнейших мест в музее. В ветреный зимний день с осо-

бой теплотой вспоминаешь о Кваренги, который сделал эту галерею застекленной в отличие от подлинника архитектора Браманте в Ватикане.

Не уходя из эпохи Возрождения, Евгений предложил полюбоваться скульптурой Бенвенуто Челлини. Но нас опять постигла неудача. Какое-то странное совпадение: сначала не удалось увидеть камею из коллекции герцогов Гонзага, а потом - произведение Челлини, который с этим семейством общался. К большой радости Звягина, картина из собрания герцогов Литта оказалась на месте - “Мадонна с младенцем” Леонардо да Винчи.

“Мадонна Литта” - картина трогательная, написана тонкой кисточкой на красивом холсте с самыми лучшими, какие только могут быть, намерениями. И мне приходилось видеть замечательные вещи, но эта - самая замечательная на свете, которую я только видел. Чрезвычайно, невыносимо нежная вещь”.

Мы вернулись в Зимний, и вновь нахлынули воспоминания.

“Тогда выходной был четверг, и здесь было тихо. За нами присматривали, но слоняться было можно. Случайно мы с одним приятелем из эрмитажной

команды шли по пустому Эрмитажу мимо вот этого, Малого тронного зала. Смотрю - трон. Я говорю: “Хочешь, на спор на трон сяду?” - ну и пошел. Видите там бархатные ступени? Только я вступил на первую ступеньку - зазвенел звонок. Не удалось на трон взгромоздиться. Мы бежали, и никто нас даже не прихватил.”

Из Малого мы прошли в бывший Большой тронный зал - Георгиевский. После революции музею “Государственный Эрмитаж” тронное место, естественно, было не нужно, и его уничтожили. Однако жизнь в нашей стране так переменялась, что в музее уже подготовлен проект реконструкции места для

императора. А многие еще помнят, что в Георгиевском зале было грандиозное произведение камнерезного искусства - карта СССР, собранная из 45 тысяч кусочков камня, общей площадью 27 квадратных метров, в раме из белого мрамора с бронзой.

“Я один раз чуть с этой карты не упал. Сейчас ее, к величайшему моему сожалению, нет. В ней даже был смысл: убран трон, но зато вместо него предложен наблюдателям Союз нерушимый республик свободных в виде самоцветов. А сверху там были красные флаги из чистой сосны и прекрасного кумача. И вот нас послали на верх этой карты то ли сосну строгать, то ли кумач чистить, то ли протирать самоцветы. Для этого дела выдали нам бутылку спирта. Смочили мы им какую-то ватку аптечную, а остальное выпили. Оказалось, что это - огромное каменное панно, установленное на широкой металлической раме. Мы, человек пять, болтались наверхушке этой карты. Хватаясь за флаги. Наступали на Ямал - есть такой полуостров”.

Продолжая движение вперед по второму этажу, мы вдруг отметили, что ходим по кругу, минуя Рыцарский зал уже в третий раз.

“Эрмитаж - ведь это же большой лабиринт. Когда я был маленьким, то мне запомнилось страшное хвастовство экскурсоводов, что в Эрмитаже сколько-то тысяч комнат, чтобы обойти его целиком, надо сто одиннадцать или даже больше дней. Мы же сейчас можем честно признаться - ведь это же лабиринт. Количественный подход здесь вообще неуместен. Например, если задаться целью рассматривать только плафоны или только паркеты, или экспонаты во всех деталях и уделять каждой вещи внимание, то не хватит и 500 жизней, чтобы обойти этот лабиринт”.

Алина ТУЛЯКОВ/

Фото Сергея ПОДГОРКОВ/